

Не будите зомби

Не стоит переживать по поводу застопорившегося процесса либерализации торговли

Пол Кругман

ГЛОБАЛИЗАЦИЯ ныне находится в политической осаде, и популисты левого и правого толка выступают с критикой предлагаемых новых соглашений, таких как Транстихоокеанское партнерство (ТТП) и Трансатлантическое партнерство в области торговли и инвестиций. Многие из того, что говорят эти политики, — нонсенс. Однако есть ряд глубинных причин, почему продвижение глобализации, по-видимому, затормозилось, и одной критикой неправильных экономических решений не вернуть прежний порядок вещей.

Наиболее значимым моментом, я бы сказал, является то, что всегда существовал значительный диссонанс между приверженностью свободной торговле в высказываниях экономистов и элит и фактическими выводами из экономических моделей. Действительно, хрестоматийная теория торговли гласит, что международная торговля делает страны богаче, а ее ограничение делает их беднее. Однако она также позволяет сделать вывод о том, что любые меры, кроме крайнего протекционизма, сопряжены с относительно ограниченными издержками, и при этом торговля может оказывать сильное воздействие на распределение дохода в странах, от которого некоторые выигрывают, а некоторые проигрывают.

Почему же тогда либерализация торговли встречает такое одобрение со стороны как экономистов, так и элит, определяющих политику? В случае экономистов ответ, я подозреваю, в том, что сравнительное преимущество — такая элегантная концепция; общеизвестно, что Пол Самуэльсон привнес эту идею в качестве яркого примера, когда экономическая наука приходит к выводу одновременно верному и неочевидному, который поэтому особенно дорог людям этой профессии (см. «Возвращение на путь свободной торговли» в этом номере *Ф&Р*). В случае элит, думаю, очень существенно то, что система торговли после Второй мировой войны являет собой уникальный по успешности пример международного сотрудничества. Как следствие, либерализация торговли — очень привлекательная тема для людей, которые, собираясь в Давосе, со знанием дела рассуждают о мировых проблемах.

В самом деле, долгое время, с 1940-х по 1980-е годы, либерализация торговли проходила на удивление гладко. Группы, оставшиеся в проигрыше от роста торговли, казались не столь заметными или многочисленными, в основном из-за того, что значительная часть этого роста происходила в виде внутрисекторных потоков между схожими странами с минимальными последствиями для распределения.

Однако примерно с 1990 года ситуация очень сильно изменилась. По ряду причин, включая снижение стоимости услуг транспорта и связи (примером может служить революция контейнеровозов) и массовый отказ развивающихся стран от политики замещения импорта, мы наблюдали огромный рост тор-

Пол Кругман — заслуженный профессор экономики в аспирантуре Университета города Нью-Йорк.

говли «Север-Юг», то есть между странами, находящимися на очень разных уровнях развития, с очень большой разницей в оплате труда. Эта торговля все еще повышает реальные доходы с обеих сторон, но она оказывает намного большее влияние на занятость в секторах и, вероятно, распределение дохода между трудом и капиталом по сравнению с ростом торговли с 1950 по 1980 год. Экспорт из Китая действительно привел к потере миллионов рабочих мест в обрабатывающей промышленности США; импорт из развивающихся стран является важной, хотя и не единственной, причиной стагнации или снижения заработной платы менее образованных работников.

Как показал Бранко Миланович, в целом это принесло значительные выгоды среднему классу в странах третьего мира и одному проценту самых богатых людей в мировом масштабе, тогда как для рабочего класса в странах с развитой экономикой картина намного хуже. С точки зрения общемирового благосостояния это, несомненно, позитивное явление: повышение доходов сотен миллионов прежде очень бедных людей имеет большое значение. Но это едва ли послужит утешением для работников стран первого мира, жизнь которых становится не легче, а труднее.

В свете этих реалий даже удивительно, что отрицательная реакция на глобализацию проявилась так поздно, а ее последствия пока столь невелики. Многие предсказывали поворот к протекционизму после Великой рецессии; однако существенных новых торговых ограничений введено не было, по крайней мере, до сих пор.

При этом нужно признать, что движение к все более либеральной торговой и инвестиционной политике, по-видимому, остановилось. Более того, оно начало замедляться еще до Великой рецессии, не говоря уже о кампании Дональда Трампа: Дохийский раунд уже давно превратился в зомби.

Стоит ли переживать по поводу того, что мы подошли к концу данной дороги? По моему, не стоит. Торговля уже сейчас необыкновенно свободно по историческим меркам, и предлагаемые новые соглашения, такие как ТТП, больше касаются интеллектуальной собственности и урегулирования споров, чем собственно торговли. Не станет трагедией, если они не будут приняты.

Конечно, глобальная торговая война — которая имела бы разрушительные последствия для бедных стран, зависимых от трудоемких статей экспорта, — совсем другой вопрос. Но если нам удастся избежать такого провала, возможно, наилучшим вариантом было бы признать глобализацию более или менее законченным проектом и снизить накал дебатов по этой теме. ■